

КОМПРЕССИВНАЯ ПРИРОДА МЕНТАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ЯЗЫКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ВОСПРИЯТИЯ ДИСКУРСА*

Аннотация: В статье обосновывается многомерность понятия языковой компрессии. Основной акцент делается на рассмотрение ментальной стороны механизмов языковой организации и восприятия дискурса. В ходе анализа подтверждается компрессивная природа механизмов внутренней речи, а также ментальной сферы восприятия языкового материала.

Ключевые слова: компрессия, язык и мышление, внутренняя речь, дискурсивное мышление, клише.

Компрессия – не только лишь языковой приём, способ содержательно-выразительной организации мысли, а, прежде всего, один из ментальных механизмов организации действительности.

В своём научном исследовании, говоря о возможности процессов кодирования и декодирования, о единстве заложенных композиционных структур, мы уже упоминали автора работы «Математический ген» К. Девлина. Рассматривая компрессию как ментально-языковой механизм организации и восприятия действительности, нам представляется актуальным вновь сослаться на данного автора, указывающего на схожесть и взаимодействие символического мышления и языкового оперирования [Devlin, 2001:231]. Е.С. Кубрякова, говоря о способности компрессированных языковых единиц «отсылать к целому ряду умозаключений и выражений», а также «выступать заместителями целых ситуаций», также указывает на соотношение языковых механизмов компрессии с ментальными, на наличие универсальной, ментальной основы этого процесса [Кубрякова 1978:88]. Подобные положения не только подтверждают известный постулат о неразрывности связи языка и мышления, но и наводят на мысль о необходимости подчеркнуть в рамках проводимого нами исследования компрессированную природу ментального восприятия и представления окружающей действительности, характеризующую механизмы (внутреннюю речь), порождающие последующее языковое сообщение. Данным механизмам неизбежно сопутствуют явление генерализации, то есть обобщение фактов, ситуаций окружаю-

щей действительности, прошлого опыта и вытекающее из этого обобщения новое представление и языковое оформление возникшей ситуации общения. Следует добавить, что факт влияния особенностей современного технического ресурса, обслуживающего как представление и получение информации, так и акты коммуникации на данные механизмы, представляется бесспорным и значительным. Данное положение позволяет сделать вывод о том, что виртуальная реальность, формирующийся в ней компьютерный дискурс – мир, который формирует характерную ментальность, специфичное языковое представление, свои оценочные и ценностные ориентиры. Совершенно очевидно, что компьютерный дискурс сделал возможным повседневные коммуникативные ситуации, осуществляемые в рамках локальных и всемирной сетей, а также все больше завоевывает стабильные позиции в своем пространстве, является обиходом жизнедеятельности современного человека, часто замещает процессы коммуникации, непосредственной современным электронным ресурсом. В условиях коммуникации, обеспеченных современными техническими средствами связи, такими как мобильная связь, Интернет, использование программы Instant Messaging в локальной и всемирной сетях, природа устной разговорной речи с её композиционными приёмами и языковыми средствами занимает завоёвывающие позиции по отношению к речи письменной в других языковых жанрах. По замечанию Л.В. Щербы, все изменения, происходящие в языке, в частности в его словарном составе, «куются и накаплиются в кузнице разговорной речи» [Щерба 1957:116]. В рамках данного толкования мы можем резюмировать, что возросшая степень компрессирования в языке – результат всеобщей компьютеризации, широкомасштабность электронного дискурса, а не только лишь проявление заложенного механизма компрессии с его значительными возможностями.

По сути, любое сообщение предстаёт перед нами в компрессированном виде, поскольку не способно отобразить все те мысленные образы, ассоциации и даже варианты языковых ходов, которые предшествовали представлению его конечного варианта. Причём суть данного явления

* © Леонтьева А.В.

находит отражение как в деятельности отправителя, так и реципиента. Восприятие любого сообщения аналогично процессу его создания, влечёт схожие операции: мысленные образы, ассоциации, индивидуальный багаж переживаний и оценочных факторов. В некоторых случаях реципиент строит догадки, почему выбран именно этот вариант языковой репрезентации, что за этим кроется; точно также как адресат подбирает итоговый вариант сообщения, полагаясь на свои знания, представления, мотивировки и даже интуицию. Таким образом, процесс кодирования сообщения, представления его в компрессированном виде и последующая его интерпретация, декодирование являются взаимодействующими. Данные процессы могут быть как успешными, так и не совсем, оправдывать или нет ожидания получателя и отправителя. Для А. А. Потебни характерно убеждение, что длинноты, подробное изложение мысли суть нечто излишнее, поскольку «говорящий и равный ему по образованию слушатель удовлетворяются одним намеком на известный им ряд мыслей — намеком, выраженным в слове или ряду слов, не исчерпывающих собою соответственного ряда мыслей, но только указывающих на него... разница между образованным и необразованным состоит в степени густоты, или сгущения... мысли. Синонимично сгущению учёный употребляет термин конденсация. [Потебня, 1977:48 -/http://www.mineralov.ru/poteb.htm/].

Рассматривая компрессию в качестве одного из ментальных механизмов организации действительности, неизбежным предстаёт рассмотрение вопросов изучения внутренней речи. Внутренняя речь – основное и универсальное средство умственной деятельности и сознания человека. Во внутренней речи язык и мысль объединяется в целостный комплекс [http://destruction.narod.ru/Teorija_jasyca.htm]. Внутренняя речь, выполняющая регулирующую или планирующую роль, имеет иное, чем внешняя, сокращённое строение. Компрессивная природа внутренней речи становится возможной потому, что наряду со словесным оперированием, в ней присутствуют такие процессы, как: образное мышление, абстрагирование, предметно-схемное кодирование. Следует также отметить, что для внутренних языковых процессов характерна способность к автоматической перенастройке, соотносимая с речевыми автоматизмами при ассоциировании и воспроизведении типовых единиц и избавляющая от необходимости их повторного построения. «Существование автоматизмов ассоциативного мышления позволяет говорить

об уровне языкового *подсознания*, где элементы языковой системы продолжают взаимодействовать самопроизвольно. Подсознание хранит ассоциативно организованный продукт деятельности сознания. Ему принадлежит ассоциативная база дискурсивного мышления, которая обеспечивает выбор единиц при построении дискурса» [Борботько, 2007:84]. Внутренняя речь может быть нацелена на:

- общение с самим собой (сопровождающееся или избегающее полного вербального формулирования и озвучивания), являющееся ситуативно обусловленным и часто связанное с особенностями конкретного индивида;

- обдумывание перед дальнейшим озвученным формулированием, которое включает в себя осознание мотива общения, постановку задач, учёт особенностей адресата, определение предмета речи, выделение основной мысли. На этом уровне проявляется прагматическая природа речи, поскольку последняя характеризуется, прежде всего, ориентировкой на реципиента для наилучшего достижения своих собственных целей.

Внутренняя речь является необходимым этапом подготовки к внешней развёрнутой речи. На этом этапе внутренний смысл переводится в систему развёрнутых, синтаксически организованных речевых значений, симультанная схема «семантической записи» перекодирована в организованную структуру будущего развёрнутого синтаксического высказывания (Лурия, 1975:195). Н.И. Жинкин отмечает, что внутренняя речь по своему морфологическому строению резко отличается от внешней речи, она имеет свёрнутый, аморфный характер, а по своей функциональной характеристике является преимущественно предикативным образованием. Язык внутренней речи свободен от избыточности, свойственной всем натуральным языкам. (Жинкин, 1998: 159). Выдающийся учёный Л.С. Выготский утверждал, что «речь для себя возникает путем дифференциации изначально социальной функции речи для других» [Выготский, 1982-1984 : Т. 2, с. 320]. Разграничение речи для себя и для других подводит к выделению внешней и эгоцентрической речи, переходного образования на пути к внутренней речи [Ахутина, 2007 : 34]. Для эгоцентрической речи характерна тенденция к сокращению, «сгущению», и к моменту перехода во внутреннюю она «почти целиком подчинена чисто предикативному синтаксису» [3: 344]. Согласно Выготскому, условия, способствующие предикативности устной речи (известность подлежащего, близость апперцепции), присутствуют и во внутренней речи, что и

делает возможным предположение предикативного строя её синтаксиса. Несоответствие внутренней и внешней, как устной, так и письменной форм иногда проявляется в несвязном изложении материала, например, учеником при пересказе или объяснении учебного материала. При этом он может понимать сам себя во внутренней речи, т.е. искомая тема мыслится им как воспринятая и понятная. Таким образом, языковое оформление мысли при обдумывании перед дальнейшим речевым высказыванием способствует гармоничной последовательности самой мысли.

Борботько В.Г. в монографии, посвящённой принципам формирования дискурса определяет дискурс как «речемыслительный процесс, приводящий к образованию лингвистической структуры и приводящий в активное состояние всю языковую систему как средство речевого моделирования образа, порождаемого человеческим сознанием» [Борботько, 2007:6]. Автор напоминает о том, что «дискурс как процесс деятельности языкового сознания может не получить устной звучащей формы или письменной текстовой фиксации, спонтанно реализуясь как внутренняя речь» [2:61]. Действительно, весомая доля подразумеваемого нами в сообщении остаётся недосказанным, не полностью озвучивается внутренняя речь, опускаются общедоступные фоновые знания.

Интересно отметить, что языковое сознание хранит в долговременной памяти не только отдельные слова и словосочетания, обладающие устойчивой формой и значением, но и некоторые регулярно употребляемые высказывания и дискурсы, превышающие по объёму отдельные высказывание. Будучи зафиксированными в памяти, они легко воспроизводятся в речи. При этом по мере укрупнения этих единиц их лексическое наполнение отличается большей вариативностью [2:176].

Действительно, очень удобна ситуация, когда приём, возникающий в дискурсе как единичное явление, получив широкое распространение, превращается в типовую операцию в языковом сознании. Подобный процесс напоминает создание и дальнейшее использование матрицы, а вернее целого ряда матриц, применение которых неизбежно, как неизбежна и опора на многочисленные ассоциации. Такое матричное построение дискурса подталкивает нас к вопросам использования клишированных образований. Употребление штампов оказывается очень удобным, особенно в рутинной коммуникации. Это позволяет сэкономить усилия при порождении высказывания и рефлексию как «психический

аналог игрового взаимодействия человека с миром, спонтанного балансирования субъекта в динамической среде» [2:218].

Каждая социальная сфера коммуникации владеет своим набором стереотипов. Так, компьютерный дискурс, реализуемый в условиях Интернет и СМС коммуникации, располагает комплексом специфичных штампов, «дежурных» фраз. Там, где дело касается выразительности, часто возникает отрицательное отношение к употреблению штампов, однако употребление клише может быть вполне оправданным, когда оно даёт возможность автоматизировать одну деятельность и совершать параллельно ей другую.

Восприятие дискурса как внутренняя работа языкового сознания и участие в нём (дискурсе) также включает механизмы, отличающиеся компрессивной природой, поскольку присутствует избирательность: не всегда требуется прибегать к чёткости понятий. Ведь человеческому мозгу свойственна способность оперировать нечёткими понятиями. В этом случае говорят о диффузной, «облачной» семантике. В качестве примера В.Г. Борботько приводит факты восприятия при чтении текстов о морских приключениях таких специальных терминов, как: «рея», «фок-мачта», «кливер». Вполне естественна ситуация, когда мы не вникаем в значение этих слов, не нанося особого урона общему восприятию материала. И даже после обращения к специальному словарю, значение подобных слов со временем может снова стать для нас диффузным. Главное, что семантизация целого проходит на вполне адекватном уровне, не нарушая понимания всего текста.

Таким образом, широкое рассмотрение явления компрессии предполагает как учёт заложенного механизма компрессированного конструирования действительности в языке и речи, так и пристальное внимание к индивидуальному опыту, культурологическому и ментальному фону, в условиях которого осуществляется компрессирование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахутина Т.В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. Изд. 2-е. М., 2007. 216 с.
2. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. Изд. 2-е, стереотипное. М., 2007. 288 с.
3. Выготский Л.С. Собр. Соч. в 6 т., М., 1982-1984, Т. 2, с. 320; 344.
4. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М., 1998. 368 с.
5. Кубрякова, Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е.С. Кубрякова. М., 1978. 116 с.
6. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвисти-

ки. М., 1975. 253 с.

7. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV, вып. II, М., 1977. с. 48 /http://www.mineralov.ru/poteb.htm/.
8. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.
9. Devlin K. The Maths Gene. - Phoenix, 2001. 305 p.

A. Leontyeva
THE COMPRESSIVE NATURE OF MEN-

TAL ASPECTS OF DISCOURSE

Abstract: The article proves the multileveled interpretation of the language compression. The author gives explanation of the compressive nature of mental mechanisms of language operating with particular attention to mental aspects of inner speech and discourse.

Key words: compression, language and thought, inner speech, discursive thought, cliché

УДК 16.41.21 +16.21.35

Мусатов А.А.

КАТЕГОРИЯ ЭПИСТЕМИЧНОСТИ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ*

Аннотация: Эпистемичность – лингвистическая категория, объединяющая языковые средства, при помощи которых говорящий может выразить свои знания о мире. В эпистемичности различают две большие области: эпистемическую модальность и эвиденциальность. Целью статьи является описание эпистемической модальности, а также выявление ее сходств и различий с эвиденциальностью (на материале французского языка).

Ключевые слова: эпистемичность, эпистемическая модальность, эвиденциальность.

Эпистемичность (от греческого *episteme*, - знание) рассматривается как лингвистическая категория, которая объединяет языковые средства, при помощи которых говорящий может выразить свои знания о мире. В первую очередь, говорящий может обозначать свою степень уверенности, например: (1) *Je suis sûr que Pierre a joué au football hier soir*; (2) *Peut-être que Pierre a joué au football hier soir*

К эпистемичности также относят языковые средства, при помощи которых говорящий обозначает либо сам источник, либо передает информацию о нем. В последнее время языковые средства, указывающие на источник или информацию о нем, принято обособлять в отдельную область, которая получила название «эвиденциальность» («*evidentiality*» / «*l'évidentialité*»). Так, в примере (3) говорящий указывает, что он получил информацию от кого-то другого, и в (4) - что он ее видел своими собственными глазами:

(3) *Selon Marie, Pierre a joué au football hier soir.*

(4) *Hier soir, j'ai vu Pierre jouer au football*
Эпистемичность включает в себя два понятия: эпистемическую модальность и эвиденциальность.

1. Эпистемическая модальность

Эпистемическая модальность широко изучалась в отечественной, французской и англоязычной литературе. (Coates 1983; Perkins 1983 и др.). Во французской лингвистике работ по эпистемической модальности значительно меньше, но, тем не менее, существуют очень важные труды, которые анализируют эту область с различных точек зрения (Le Querler 1996, Dendale 1994, 1999, Kronning 2002, 2003). Эпистемическая модальность возможно единственная из модальностей, рассматриваемых в логико-философском контексте, которая максимально точно вписывается в определение модальности, согласно которому модальность выражает отношение говорящего к содержанию высказывания. Значением эпистемической модальности может быть «отношение говорящего лица к сообщению» [Н.Г. Елифанцева 2001] или указание на «степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию» (Панфилов 1982). Согласно другой точке зрения, сфера субъективной модальности ограничивается только такими высказываниями, в которых отношение говорящего выражено «неэксплицитно», поскольку «оно не может выражаться в составе данного высказывания с помощью отдельной предикации с подлежащим в 1-м лице, обозначающим говорящего»: если в

* © Мусатов А.А.